

«Мы состоим из прочитанного!»

В конце мая в Кузбассе в пятый раз прошел Всероссийский фестиваль поэзии имени А. Бельмасова. Одним из главных участников форума стала Марина Кудимова – известный столичный поэт, переводчик и публицист. Марина Владимировна – автор книг «Перечень причин», «Чуть что», «Область», «Арысь-поле», «Голубятня», «Держидерево», «Душа-левша», «Черед», «Целый Божий день». Лауреат премий имени Дельвига, имени Маяковского, премий журналов «Новый мир» и «Дети Ра», Бунинской премии, «Писатель XXI века».

- Прошу поделиться впечатлениями от поэтического семинара, которым вы руководили на фестивале...

- Меня радует то, что исчезает понятие провинциальной поэзии. При этом отмечу: семинары собирают людей разной степени одаренности. В Ленинске я услышала сразу несколько очень одаренных поэтов. Это Лена Жамбалова из Улан-Удэ, с которой я познакомилась в прошлом году на фестивале в Иркутске. Марину Черноскутову из Кузбасса знала только по «Фейсбуку» - теперь, как говорится, развиртуализировались. Ярким открытием для меня стал молодой кемеровский поэт Михаил Рантович со своими весьма разнообразными и очень интересными стихами. Вот такой большой улов в семинарские сети – три ярких автора, совершенно разных по манере, принадлежащих к разным школам письма.

Мне всегда интересно, от чего поэт идет. В третьем тысячелетии искать голое авторское своеобразие – наивно, по меньшей мере. Мы все состоим из стихов, прочитанных в течение жизни. На семинаре Миша Рантович признался, что не читал Георгия Иванова. При этом он буквально весь из него произрастает! И это означает важную вещь: поэзия растворена у нас в крови.

Также всегда очень интересно наблюдать за авторами, которых ты уже знаешь, - как они учатся и развиваются. Лена Жамбалова невероятно сильно выросла за минувший год. На предыдущем семинаре мы подробно разбирали ее подборку, я сделала ряд существенных замечаний, которые, как ни странно, Лена учла. И это произвело на меня очень сильное впечатление.

И еще несколько слов о Бельмасовском фестивале, в рамках которого прошел семинар. Прекрасно, что в регионах появляются люди, пытающиеся систематизировать процесс отечественного культурреггерства. Один из них – Дмитрий Филиппенко из Ленинска-Кузнецкого, поэт и организатор литературных событий. Бельмасовский фестиваль работает на формирование здоровой творческой среды, столь необходимой для молодежи.

- Поделитесь секретами своей творческой кухни: к примеру, с чего начинается ваше стихотворение?

- С идеи, с мысли. Дальше рождается некий звук, приходит некий образ. Допустим, в виде строчки. Изредка бывает и наоборот: возникает одна строка, которая затем обрастает соседними.

Литература – мир идей. Русская поэзия крайне мыслеемкая. Помните, как сказал Пушкин о Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит».

- Всякое содержание требует своей формы. Что вы думаете о русском верлибре?

- Мне кажется, в верлибре нет тайны искусства. Я не пробовала писать белым стихом – мне это не интересно. Верлибристы напоминают мне тех живописцев, кто не овладел академическим рисунком и решил объявить себя абстракционистом. Но свобода не в том, что ты себе позволяешь, а в том, от чего отказываешься.

Рифма придает завершенность поэтическому тексту, рифма – ограничение в системе безграничного. И уровень рифмования – пожалуй, единственный показатель поэтического мастерства. Обожаю Маршака, у него безупречные рифмы.

Запоминаемость – важнейшее качество поэзии. Я застала времена, когда в каждой избе знали множество стихов – Лермонтова, Некрасова, Майкова... А вы можете прочесть наизусть, скажем, произведения Геннадия Айги?

Поэзия – своеобразные консервы, концентрат языка. Рифма не дает этим консервам испортиться. При этом русская рифма неисчерпаема. Нам очень повезло с языком. Он – богатство, сказочное чудо.

- Согласен, художнику необходима школа – а поэту?

- Увы, сегодня заметно снижена планка ученичества в поэзии. Благодаря Интернету размываются все критерии. Пишешь стихи? – Ты поэт! Написал стишок – тут же публикуй и получай отклики! И вот уже автор, имеющий обратную реакцию, считает себя состоявшимся...

Уверена, у всякого поэта должен быть учитель – тот, кто прошел несколько кругов литературного ада. Другими словами, у каждого Данте должен быть свой Вергилий. Но система «учитель-ученик» сегодня разрушается, и это меня чрезвычайно печалит. Юные дарования варятся в своем кругу, где все друг друга хвалят, называют гениями. При этом гений из другой тусовки – враг и чужак!

Что мы сегодня имеем? Молодой поэт написал 52 строчки. Но читаешь его резюме – глаза на лоб лезут! У него и 10 премий, и 15 лонг-листов, и 25 поездок на литфестивали. И везде он представляет одну и ту же стихотворную массу, которую успел создать. Но его имя – уже на слуху...

- Не кажется ли вам, что роль логоса как смыслообразующего начала в человеке стремительно уменьшается?

- Безусловно, так и есть. Думаю, это происходит потому, что главным врагом литературы стала информация. Художественный текст – это вымысел, однако мы верим в реальность Наташи Ростовской, Пьера Безухова, называем реальных людей донкихотами или Хлестаковыми. Литература растворена в социуме. Но информационные поля ее уничтожают как нечто инородное. Да, зачастую информация тоже содержит выдумку, а проще говоря, ложь – но в ней нет того самого «нас возвышающего обмана»! Исчезает явление катарсиса. А в человеке сегодня ищется не самое высокое, а самое низкое.

- Человеку вообще свойственно стремиться к тотальному упрощению – поэтому он и ставит смайлик, а не пишет две страницы текста...

- Конечно. Сплошь и рядом происходит аннигиляция человека. О людях написано все гадкое, что только можно придумать! В каждом из нас очень много всего понамышано. Но зачем же выпячивать плохое?

Возьмем нашу мемуарную повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», где бабушка выписана настоящей ведьмой, она без конца всех чморит. Но, позвольте, при этом она

посвятила жизнь своим близким! Однако эта повесть не о подвиге самопожертвования. Санаев поведал всему человечеству о своих психотравмах.

Но на темной стороне нельзя оставаться. Глубоко несчастен тот, кто не видит светлых сторон жизни. Литературные произведения – результат работы писательской души. И пока она не сформировалась, лучше не садиться за письменный стол.

Русская классическая литература не всегда создавала идеального человека. Самые интересные персонажи – всегда отрицательные. Но вместе с тем наши литературные модели – гуманистические. Они оправдывают человека – перед собой, перед Богом, перед мирозданием.

- Читают ли ваши внуки?

- Да, читают. А еще у них потрясающая реакция и сильно развито воображение. Но вопрос – что читают. Следующему поколению всегда кажется, что младшие заняты не тем и черпают не оттуда. Сейчас на дворе – эпоха бескнижья. И внуки мои, за исключением младшего двухлетки, – конечно же, люди Интернета. Отсутствие систематического чтения, культуры чтения скоро даст о себе знать. Демографическая яма 90-х обернулась исчезновением класса ремесленников и мастеровых. Мы разучились класть печи и сапожничать. В культуре аналогичный процесс идет вовсю. Но если мы мало читаем, то и безграмотно пишем! А еще у книги есть замечательная миссия – воспитание чувств...

- И много ли вам встречалось произведений, переворачивающих все внутри?

- Много. Это книги Апдайка, Лема, Брэдбери, Акутагавы, Кобо Абэ, Сэлинджера... Я читала все и всегда – как безумная. Принадлежу к тому поколению, где считалось невероятным позором чего-то не прочесть. Чтение в молодости нам заменяло абсолютно все. И мы росли очень счастливыми людьми. Лучшее, что есть в человеке – отображается и сохраняется именно в книгах. Никой Интернет тут рядом не стоял. Хотя Всемирная паутина – тоже великое чудо и большое достижение цивилизации. Но все же праздника дрожи в руках вы сегодня не испытываете.

Прекрасно помню, какое ошеломительное впечатление в 13 лет на меня произвели «Три товарища Ремарка». А «Прощай, оружие!» Хемингуэя я читала в больнице – ночью у окна при свете уличного фонаря – и не могла оторваться! Меня совершенно перепахал Фолкнер, его тексты в корне изменили мою жизнь и отношение к литературе. В 16 лет я спала с томиком прозы Платонова. Вы, конечно, помните, как начинается его рассказ «Река Потудань»: «Трава опять отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась». Волшебная фраза! Цепенею, когда сейчас произношу ее...

Я воспитана на русской классической литературе. Великие американцы учились у Толстого и Чехова – безумно горжусь этим!

- Вернемся к теме преемственности. Кого считает своим Вергилием поэт Кудимова?

- Выдающегося русского поэта Владимира Леоновича. Он абсолютно не прочитан в России. Много лет в полной безвестности он жил в одной из деревень Кологривского района Костромской области, не будучи вписанным ни в какую литструктуру. Это был человек фантастической энергии, великий переводчик. Он перевел на русский стихи грузинского поэта Галактиона Табидзе, к которым никто и подступиться не смел! Общение с Леоновичем – незабываемо, мне баснословно повезло.

- Не так много прозаиков, заходящих на территорию поэзии. Расскажите, как вы собирали свою дебютную книгу прозы, которая выйдет осенью!

- С этой книгой я действительно дебютирую как писатель. Готовилась к этому событию лет 20, не меньше. Открою вам страшную тайну. Все мои большие тексты, поэмы, первоначально писались как проза! Это были мои романические опыты – но то, что получалось, меня не удовлетворяло. А в 1995 году в течение лета вдруг написалась повесть «Не без добрых». И я поняла, что это уже серьезные подступы к прозе. При том, что это еще была проза поэта. Потом наступил большой перерыв – на стихи, на молчание, на редакторскую работу.

Книгу составили в основном тексты, написанные за последние 2-3 года, черновики и наброски многолетней давности не использовались. Название книги я уже придумала, но не стану озвучивать – иначе должны последовать долгие объяснения. Так что у некоторых читателей будет повод заглянуть в словарь – полезное дело, между прочим!

- Все в нашей жизни не случайно. Каков главной урок, вынесенный вами после сотрудничества с «Литературной газетой»?

- Уроки замечательные. Сперва я заработала гипертонический криз. А потом и мерцательную аритмию. Дважды побывала на грани жизни и смерти – это незабываемо. Возможно, именно это и привело меня к написанию прозы: два умирания подряд не могли не изменить меня.

Срывы были обусловлены тем, что ничего не умею делать вполсилы. Газета – страшная вещь для действующего литератора, это жуткая мясорубка. «Трое суток не спать» - не преувеличение, не красивая строчка из песни. Газета – это на 90% чужие тексты, которые необходимо пропустить через себя, отредактировать и подготовить к печати. Этим лучше заниматься профессиональным редакторам. Надеюсь, это был мой последний заход на территорию СМИ. Пора пожить в своем доме. Для меня жизнь – вид спорта. В котором я хочу побеждать.

Беседовал Юрий ТАТАРЕНКО.
Фото Катерины СКАБАРДИНОЙ.

